

мы не испытали»⁴⁴. Клерикальная политика Василия II в принципе продолжала политику Никифора — именно поэтому в науке вызывала сомнение подлинность цитированной повеллы, ибо она не только отменяла законодательство Никифора, но и противоречила последующим мероприятиям самого Василия. Однако документ этот подлинный⁴⁵. Не следует ли объяснить его направленность желанием молодого императора отмежеваться от своих предшественников?

Официально причиной упадка выставлялось, видимо, то, что, несмотря на иллюзорный блеск царствований полководцев, узурпаторский характер их власти подточил силы государства, а самый упадок, вызванный ими, был еще усугублен притязаниями их родичей. Некий Лев, автор «Похвального слова» Василию II⁴⁶, объединяет оба поколения малоазиатских аристократов в одну преступную банду: «Ведь оно (государство) погибало от противозаконных домоганий людей, рвавшихся к власти обманным путем, и едва дышало — следовало вдохнуть в него новую жизнь и повернуть к древнему благородству»⁴⁷. Придворная историография рисовала прообразом вражды Варды Фоки к 30-летнему Василию II мнимую вражду Никифора Фоки к 10-летнему Василию, как будто стоявшая у власти в 963—976 гг. провинциальная аристократия уже тогда видела в мальчике будущего утеснителя ее привилегий.

Итак, отмеченная нами тенденция в изображении официальной историографии правления Никифора и Цимисхия получила теперь свое объяснение: она невыводима из одних только юношеских обид и несводима к одним детским страхам — эта тенденция прежде всего является отражением в пропаганде главной цели политики Василия II — тотальной войны с феодализирующейся знатью.

В настоящей работе, посвященной «Истории» Льва Диакона, о самом этом сочинении было сказано крайне мало. Но ведь наша задача состояла в том, чтобы выяснить, как могло восприниматься произведение его современниками, а для этого понять, в какой атмосфере создавал историк свой труд. Если воспользоваться метафорой С. С. Аверинцева, «здесь сделана попытка не столько разрисовывать и раскрашивать портрет писателя, сколько порезче прочертить его силуэт и дать к силуэту контрастирующий фон»⁴⁸. По нашему убеждению, «История» не только не была написана «по прямому поручению правительства»⁴⁹, но имела откровенно антиправительственный характер. Однако дело тут не только и даже не столько в том, что мы не найдем у Льва Диакона похвал в адрес Василия II и его родителей, — оппозиционным было не то, о чем и как автор умалчивает (на этом

³⁶ MGH, SS, 1839, vol. III, p. 63, 718—719.

³⁷ Ibid., p. 172, 498.

³⁸ Kronika Thietmara. Poznan, 1953, p. 65.

³⁹ См.: Hofmeister A. Studien zu Theophano. — In: Festschrift Edmund E. Stengel zum 70. Geburtstag am 27. Dezember 1949. Münster; Köln, 1952 (там же — литература вопроса).

⁴⁰ Downey G. Op. cit., p. 25.

⁴¹ Литавин Г. Г. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977, с. 266—267 (там же изложены и другие точки зрения).

⁴² Михаил Пселл. Хронография, с. 8.

⁴³ Там же, с. 7.

⁴⁴ Jus Graeco-Romanum/ Ed. C. Zachariae a Lingenthal. Lipsiae, 1857, vol. III, p. 303—304.

⁴⁵ См.: История Византии. М., 1967, т. 2, с. 443, примеч. 27.

⁴⁶ Обсуждение вопроса о том, тождествен ли этот Лев автору «Истории», увело бы нас слишком далеко от заданной темы. Даже если согласиться с выдвинутой М. Я. Сюзюмовым гипотезой о двойной жизни Льва Диакона, выбранный аспект дает нам право рассматривать создателя «Слова» и создателя «Истории» как двух разных людей, поскольку в сфере своего социального функционирования данные произведения антагонистичны, а что этот антагонизм мог быть результатом мучительной раздвоенности внутри одного человека — нас теперь не должно занимать.

⁴⁷ Συνοπτικῆς Γ. Λέοντος τοῦ Διακόνου ἀνέκδοτον ἐγκώμιον εἰς Βασίλειον τὸν Β'. — ΕΕΒΣ, 1933, X, с. 427. 14—17.

⁴⁸ Аверинцев С. С. Плутарх и античная биография. М., 1973, с. 5.

⁴⁹ Карышковский П. О. Указ. соч., с. 52.